

Военное
детство

Е. ВОРОБЬЁВ

ГДЕ ЭТА УЛИЦА,
ГДЕ ЭТОТ ДОМ

Евгений Захарович Воробьев

Где эта улица, где этот дом

Серия «Военное детство»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59796437

*Воробьев Е. З. Где эта улица, где этот дом : рассказы: Детская литература; Москва; 2020
ISBN 978-5-08-006281-0*

Аннотация

Люди остаются людьми даже на войне, под давлением постоянного риска и страха. Они готовы сражаться до последней капли крови, но, когда случается минута передышки, успевают и новый дом для скворцов построить, и пересдать математику за выпускной класс.

К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Для среднего школьного возраста.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

Содержание

Нет ничего дороже	5
1	5
2	13
3	24
4	27
5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Евгений Воробьёв

Где эта улица, где этот дом

Рассказы

© Воробьёв Е. З., наследники, 1952

© Верейский О. Г., наследники, рисунки, 1952

© Составление, оформление серии. АО «Издательство
«Детская литература», 2020

* * *

Нет ничего дороже

1

Столь маленькой станции больше подошло бы название разъезда или полустанка. Курьерский поезд высокомерно пролетал мимо, почти не снижая хода на стрелках, не снисходя к этой глуши. И даже неторопливый почтовый поезд задерживался здесь минуты на две, не больше.

Левашов не успел хорошенько осмотреться, надеть кожанку, закурить, как с ним уже поравнялся хвост поезда. На ступеньке последнего вагона стоял скучающий кондуктор. Он

держал в руке такой обтрепанный флажок, что нельзя было понять, какого же он цвета – желтого или красного. В лицо ударили крошки шлака и песчинки. Следом за поездом, не отставая от него, кружилась своя маленькая метель, пахнувшая перегретыми бруксами и каменноугольной смолой.

Вокзалом служил пассажирский вагон, снятый с колес. Двери были на уровне земли, без ступенек. Холмы, заросшие крапивой и бурьяном, указывали место бывшей станционной постройки.

С севера, вплотную к станции, подступал лес, и по кромке его, по соседству с железнодорожным полотном, шел большак. Левее, за лесом, лежала деревня, названия которой Левашов не помнил.

Несколько женщин в платках, военный с зеленым сундуком, старик в несвоевременном ватнике и девушка с гитарой торопливо, держась вместе, зашагали по большаку налево.

Левашов ушел по шпалам в противоположную сторону. Насколько он помнил, ему следовало дойти до семафора, перейти через рельсы и свернуть на проселок, идущий полем. Он несколько раз оглядывался на группу удаляющихся пассажиров. У него попутчиков не нашлось...

Перед отъездом из Москвы все было ясно и просто. Давно, еще во время войны, он клятвенно обещал себе, если останется жив, проведать Большие Нитяжи, поклониться Алексею Скорнякову.

«Заодно отдохну как следует, – подбадривал он себя, стоя

на перроне Белорусского вокзала. – Не то что в городе. Даже в Петровском парке пыль. На водной станции „Динамо“ к воде не протолкаться. А там, в Нитяжах, – луга, леса, Днепр рукой подать. Лучше всякой дачи».

Он сел в поезд с сознанием, что выполняет давнишний долг, и ему было лестно думать, что он умеет держать слово, даже если оно дано самому себе. Но сейчас собственная решимость, которая еще недавно его умиляла, представлялась ребячеством.

Безлюдный проселок то нырял в лес, где уже чувствовалось приближение вечера, то вновь стремился в поле. Нужно отшагать еще не меньше семи километров, прежде чем он доберется до этих Нитяжей.

Им овладело беспокойство, знакомое одинокому путнику, который на исходе дня не знает, под какой крышей доведется ему ночевать.

Проселочная дорога, по которой он шагал сейчас, была хорошо памятна. Почему же она кажется незнакомой? И Левашов понял, откуда идет это ощущение новизны – от тишины вокруг, которая в те дни здесь, на переднем крае, если и наступала, то была ненадежной, недолговечной.

За леском показались Малые Нитяжи, но Левашов прошел мимо не останавливаясь: нетерпение подгоняло его.

Наверно, и имени Алексея Скорнякова никто не слышал в этих местах. Но кого же винить? Все, что он, Левашов, успел тогда сделать, – это написать чернильным карандашом на бу-

мажке имя, фамилию, звание и еще несколько слов, которые пишут в таких случаях. Бумажку положили под каску, второпях произвели салют, подняв автоматы к пасмурному небу, и бросились догонять ушедших вперед товарищей. Атака уже началась, и траурный салют прозвучал в разноголосице боя, как деловитый залп по врагу. Потом начался дождь, и Левашову еще тогда отчетливо представилась размокшая бумажка в чернильных подтеках, расплывшихся настолько, что и разобрать ничего нельзя...

Вот и речонка Нитяжка. Перед мостом, на обочине дороги, стоит шест с синей табличкой «Большие Нитяжи», оставленный армейскими дорожниками. Левашов помнил на этом месте желтую немецкую табличку, на которой название деревни было выписано витиеватыми готическими буквами.

Он перешел через мостик, который сейчас, в августе, был чересчур солидным для худосочной речонки, лениво текущей в пологих берегах. Сумерки перекрасили траву в серый цвет. Женщина, полоскавшая серое белье, с усилием распрямила спину и проводила Левашова долгим взглядом.

Придорожные ветлы, знакомый поворот дороги, и за ним, на бугре, должна быть могила Алексея Скорнякова. Найдет ли он это место? Не сровнялся ли безвестный холмик с землей?

Он увидел ограду, за ней обелиск со звездочкой на точеном шпиле и холмик, лиловый от колокольчиков.

Он подбежал ближе и прочел на дощечке: «Гвардии стар-

шина Алексей Скорняков. Пал смертью храбрых в боях за Родину 26 июня 1944 года». Все, что Левашов второпях написал на бумажке, лаконичная фраза, в которую нужно было вместить всю скорбь.

Левашов постоял, обнажив голову, затем опустился на траву. Наверно, он просидел долго – не могло же так быстро стемнеть.

Председателя колхоза он нашел на краю деревни, в блиндаже, уцелевшем со времени войны. Шаткий огонек каганца в снаряжном колпачке выхватывал из темноты человека, сидящего за столиком, кусок бревенчатой стены и карту на ней.

– Мне председателя правления колхоза.

– А вам по какому делу? – спросил человек за столиком, оторвавшись от бумаг. – Ну, я председатель. А вы небось уполномоченный? От какой организации?

– От самого себя.

Председатель сдвинул брови, стараясь в темноте разглядеть прибывшего.

– Приехал погостить. Воевал в этих местах. Товарищ тут похоронен.

Левашов показал рукой в сторону, откуда пришел.

– Гвардии старшина Алексей Скорняков?

– Да. Алёша Скорняков...

– Уважаем твоего товарища как героя. А что за человек, в подробностях никто не знает. Будем знакомы. Иван Лукьянович.

– Левашов.

– Та-ак... Значит, не уполномоченный? Чего же ты, друг, там у входа хоронишься? Шагай смелее к свету, садись. А я, признаться, думал, опять меня по какой-нибудь статье обследовать собрались.

И в полутьме видна была его улыбка. Когда Иван Лукьянович убедился, что перед ним не официальное лицо, он сразу повеселел и перешел на «ты».

– Та-ак... А ты из каких же мест будешь? Из самой Москвы? Газетки свежей не прихватил?

– Не догадался.

– Жаль, жаль. Я от международного положения на три дня отстал. Известное дело – деревня. Как там, короля-то из Италии уже выселили?

– Не в курсе.

Иван Лукьянович укоризненно посмотрел на Левашова: «Что же ты, братец, так оплошал?»

Длинные, прямые, чуть сросшиеся брови и такие же прямые усы перечеркивали лицо Ивана Лукьяновича двумя черными линиями. Когда он улыбался, то сразу молодел, как все люди с хорошими зубами. Под латаной гимнастеркой угадывались мощные плечи и грудь. Еще когда Левашов поздоровался, он почувствовал, что эти большие руки налиты железной силой, как у лесоруба или кузнеца.

Широкоплечая тень ложилась на стену рядом с картой. Теперь можно было разглядеть, что это карта Южной Аме-

рики. Где-то в окрестностях Рио-де-Жанейро торчал гвоздь, и на нем висела армейская фляга.

На лежанке у противоположной стены спала или притворялась спящей женщина, а в изголовье, поперек лежанки, спали в обнимку двое детей.

Иван Лукьянович был огорчен тем, что негде устроить гостя и придется отправить его на жительство в школу. От ужина Левашов отказался. Иван Лукьянович вызвался проводить гостя и вышел, хромя, из-за столика. В руке у него оказалась палка.

– Зачем же беспокоиться? Доберусь как-нибудь.

– Думаешь, калека? – обиделся Иван Лукьянович. – Да я со своим посохом бегом бегаю. Не всюду на таратайке проедешь.

– Когда думаете отсюда выселяться? – спросил Левашов, на ощупь поднимаясь из блиндажа по осыпающимся ступеням.

– Строят мужички себе дома, строят. Каждый день лес возим. Целый обоз отрядили. Завтра услышите. Как дятлы, топорами стучат.

– А сами когда переезжаете?

– Пусть сперва народ отстроится. Раз начальство – значит, должен очередь уступать. Примеряюсь самым последним переехать. Я ведь хитрый! Самое-то большое новоселье будет напоследок. Праздник какой!..

«А ведь и в самом деле праздник, – подумал Левашов, ша-

гая в темноте за Иваном Лукьяновичем. – Боюсь только, что забудет председатель тот день отпраздновать».

Стемнело так, что избы смутно угадывались и не видно было верхушки колодезного журавля, хотя прошли мимо самого колодца.

Заспанная сторожиха встретила постояльца без раздражения, но и не особенно приветливо.

– Может, Никитична, устроишь гостя в комнату Елены Климентьевны? – спросил Иван Лукьянович. – Вернется она только к занятиям...

– Лучше я где-нибудь в классе переночую.

– Конечно, в классе, – поспешно сказала Никитична. Ей не хотелось пускать чужого человека в комнату Елены Климентьевны, а потому особенно понравилась непритязательность приезжего. – А чем плохо в классе? Полы у нас мытые, крашенные. Постелю молодцу плащ-палатку, подушку найду, матрац свежим сеном набью.

– Совсем хорошо!

– Уполномоченный? – спросила Никитична, разжигая лампу, когда Иван Лукьянович ушел. – У нас тут даже целыми комиссиями ночуют. Только окурками не разбрасывайся – еще пожару наделаешь. Уполномоченные всегда так дымят, будто у них и дел других нету... Ах, сам от себя? Ну тогда тем более отсыпайся.

Проснулся Левашов от скрипа открываемой двери. На пороге, опершись на палку, стоял Иван Лукьянович.

– Извиняюсь за раннюю побудку. Известно: с петухами встаем, с курами спать ложимся. Деревня! А Никитична уже самовар сочинила. Молоко там, оладьи, яички и прочие припасы питания.

Левашов торопливо вскочил на ноги, оделся, побрился. Теперь, после бритья, он выглядел лет двадцати шести, не более. Румянец во всю щеку, и в то же время у глаз, у рта ясно обозначались морщины и на висках белела седина, будто несмытая мыльная пена, засохшая после бритья.

Левашов чаевничал, а Иван Лукьянович потчевал его так, будто хозяйничал у себя дома.

Иван Лукьянович, видимо, соскучился по собеседнику. Сперва он повел речь о подкормке льна-долгунца минеральными удобрениями, затем подробно рассказал о том, как его эвакуировали после ранения с поля боя («перед самой границей, не пришлось на фашистское логово посмотреть»), затем помянул недобрым словом тракториста Жилкина за огрехи и, как бы подводя итог всему сказанному, с силой ударил ребром мощной ладони по столу:

– Что ни говори, но этот Франко досидится там у себя в Испании. Он бы нам тут попался, где-нибудь в лесу! Вспом-

нили бы ему Голубую дивизию! Быстро бы его партизаны причесали. До первой березы и довели бы только. Как предателя! С конфискацией всего имущества...

После завтрака Левашов вышел на крыльцо и увидел на ступеньках двух мальчиков.

Белоголовый, голубоглазый, плечистый мальчик устался на Левашова, открыв рот. Он был в домотканой рубашке, не знающей пуговиц, так что виднелись грудь и коричневый живот. Одна штанина спускалась почти до щиколотки, другая, с бахромой внизу, едва закрывала колено. Он с нетерпением ждал появления Левашова и сейчас вперил в него восхищенный взгляд.

Второй был чуть повыше ростом, худощав. Из-под пилотки торчал темный чуб. Все на нем было не по размеру: пилотка лежала на оттопыренных ушах, рукава у гимнастерки были непомерно длинны, раструбы галифе приходились ниже колен. Он смотрел на Левашова со сдержанным любопытством, к которому было примешано недоверие. «Нужно еще поглядеть, что за человек», – как бы говорили его настороженные, совсем взрослые глаза.

– Здорово, герои!

– Здравствуйте, дяденька! – торопливо ответил белоголовый.

– Ну, здорово, – не спеша и будто нехотя отозвался мальчик в пилотке.

– Кто же из вас старше?

– А мы одногодки.

– Сколько же годков приходится на двоих? Если оптом считать?

– С тридцать пятого года... – сообщил белоголовый.

– Таблицу умножения проходили? Двенадцать на два – вот и выйдет оптом, – сказал мальчик в пилотке.

Он не любил, когда с ним шутили.

– А звать вас как?

– Санькой.

– Павел Ильич, – отрекомендовался мальчик в пилотке. И тут же деловито осведомился, указав подбородком на орден: – Тот, который с краю, Отечественной войны орден?

– Так точно.

– Какой же степени?

– Второй.

– Лучше бы первой. Первая степень старше.

– Что же теперь делать, Павел Ильич? Не заслужил больше.

– Надо было лучше стараться, – наставительно сказал Павел Ильич.

– В другой раз буду знать, – ответил Левашов серьезно. – Ты, Павел Ильич, не очень меня ругай, а лучше скажи, где у вас тут самое знаменитое место для купания?

– Мы вам, дяденька, пойдем покажем, – вызвался Санька.

– Ради компании, так и быть, сходим, – сказал Павел Ильич. – Заодно черники наберу.

Резким движением локтей он поправил сползающие штаны и пошел вперед.

Теперь, при свете дня, Левашов увидел всю деревню из края в край. Избы поредели и стояли, отделенные друг от друга большими пустырями. Между старыми избами под-

нимались вновь отстроенные; свежие бревна еще не всюду утратили свою белизну. Некоторые избы были подведены под крышу, на других усадьбах стояли срубы – повыше, пониже. Печи сгоревших домов были разобраны, кирпич вновь пошел в дело. И только у одной закопченной печи, стоящей под открытым небом, хлопотала хозяйка. И так она привычно орудовала ухватом и переставляла горшки на загнетке, словно стряпала у себя в избе. Недалеко от печи, под конвоём обугленных яблонь, ржавел немецкий танк.

Павел Ильич торопливо спустился тут же, по соседству, в подвал сгоревшего дома. Пепелище было огорожено плетнем, на котором сохло цветастое белье и глиняные горшки, насаженные на колья. Как ни в чем не бывало на пустырь вела калитка.

Павел Ильич появился такой же степенный, с краюшкой хлеба и с небольшим латунным ведерком, сделанным из снарядного стакана.

«Калибр сто пять, немецкий», – отметил про себя Левашов.

– Пашутка! – закричала вдогонку простоволосая женщина.

Ее голова показалась над землей из подвальной двери.

Павел Ильич сделал вид, что не слышит.

– Пашутка-а-а! Может, сперва поснедаешь?

– Успею. Не грудной!..

Он был явно недоволен этим «Пашуткой», прозвучавшим

так некстати в присутствии приезжего...

Война напоминала о себе на каждом шагу.

Перед высокими порогами изб в качестве приступок лежали снарядные ящики. На санитарной повозке с высокими колесами, явно немецкого происхождения, провезли в кузницу плуг. Прошла баба с ведрами на коромысле – под ведра были приспособлены медные снарядные стаканы.

«Калибр сто пятьдесят два. Наш», – определил Левашов.

Впервые он шел днем по этой деревне не хоронясь, не пригибаясь, ничего не опасаясь, и счастливое ощущение безопасности овладело всем его существом.

Ныне Большие Нитяжи вытянулись дальше прежней своей околицы, туда, где на восточном скате холма находился когда-то командный пункт дивизии. Разве думали саперы, мастеровившие блиндажи в пять накатов, что после войны в них будут жить погорельцы!

Еще с холма показался за перелеском Днепр. Близость его заставила невольно ускорить шаг. Скоро их отделял от реки только просторный луг, но босоногие проводники Левашова пошли не напрямик, а в обход.

По краю луга тянулась колючая проволока. Дорога заросла настолько, что едва угадывалась. Когда-то она шла лугом к мосту; теперь из воды торчали только сваи, похожие на черные огарки.

Днепр в этих местах неширок, он капризно петляет в вер-

ховьях. И Левашов смотрел сейчас и никак не мог припомнить, сколько же раз ему пришлось форсировать этот молодой Днепр – четыре или пять?

– Земляники там летом было! – сокрушенно сказал Санька, кивнув на луг. – Страсть!

– И вкусная?

– Кто знает? Туда никто не ходит. Мин там немецких...

– Насажали мины, как картошку, – сказал Павел Ильич, явно с чужих слов. – Позапрошлым летом туда стадо ушло – двух коров на куски разорвало. А пастуха, деда Анисима, так тряхнуло, что на все лето оглох.

Левашов замедлил шаг, приглядываясь к лугу, покрытому рослой увядшей травой.

– Ох и трава высокая! – сказал Санька с восхищением.

– Скажешь тоже! – возмутился Павел Ильич. – А толку от нее? Здесь бы косарям пройти по второму, а то и по третьему разу...

Ну конечно же, тот самый луг! Тогда трава поднималась человеку по пояс. Росистая трава хлестала по мокрым коленям, цеплялась, хватала за ноги. Каких трудов стоило проделать в этом минном поле «калитку» для пехоты, когда готовились форсировать Днепр!

Левашов стоял, отдавшись воспоминаниям. Санька стоял с ним рядом молча и недвижимо. Но Павел Ильич сказал, недовольный:

– Чего тут стоять, глаза пялить? Идти так идти...

Санька еще не успел добежать до берега, как уже на ходу начал стаскивать с себя рубаху. Он бултыхнулся в воду, когда Павел Ильич по-хозяйски складывал на берегу свои исполинские галифе. Санька купался вблизи берега; несколько раз он вылезал из воды, но не успевал обсохнуть – и нырял снова. Павел же Ильич вошел в воду не торопясь, но заплыл далеко, к черным сваям моста. С криком: «Вертун здесь, да глубокий!» – он нырнул и надолго исчез под водой.

Лязгая зубами, посиневший Павел Ильич натянул гимнастерку на мокрое тело и сказал:

– Раньше того омута не было.

– Ох и воронка здоровая! – вмешался Санька.

– Какая бомба, такая и воронка, – солидно пояснил Павел Ильич. – Этой бомбой немцы мост примерялись разрушить.

После купания Павел Ильич отправился по ягоды, а Левашов и Санька расположились на берегу, в ивняке. Санька не мог усидеть на месте. Он то вскакивал с воинственным криком «чирки!», то его внимание привлекал всплеск рыбы на середине реки.

В обратный путь купальщики двинулись, когда солнце было на обеде. Павел Ильич нес ведро, полное черники. Пальцы и губы у него были под цвет ягоды.

Деревенские ребята издали с завистью смотрели на Саньку и Павла Ильича, сопровождавших приезжего дядьку при орденах. Санька посматривал по сторонам с откровенным торжеством. Павел Ильич делал вид, что ребят не заме-

чает, и то и дело косился на свое ведро.

Верхом на стене сруба, белевшего впереди, сидел бородач с топором. Едва Левашов поравнялся с ним, он перегнулся вниз и крикнул:

– С гвардейским почтением!

После этого было уже неудобно пройти мимо, не угостив мужичка папиросой.

И космы на его голове, и бороденка очень походили на мох, которым он заделывал пазы между бревнами.

– Не из одиннадцатой армии, случайно? – спросил мужичок, прикуривая.

– Нет.

– И до каких чинов дослужился?

– Старший лейтенант.

– Не из артиллеристов, случайно?

– Сапер.

– Нашего племени! – крикнул мужичок неожиданно громко и с еще более неожиданным проворством спрыгнул на землю. Он стал навтыжку, выпятил грудь и отрапортовал: – Гвардии рядовой Страчун Пётр Антонович. Саперного батальона гвардейской дивизии генерала Щербины Ивана Кузьмича.

– Часто упоминался в приказах Верховного Главнокомандующего, – сказал Левашов, желая польстить Страчуну.

– А как же! – просиял Страчун. – Я семь благодарностей ношу от товарища Сталина. На всю жизнь навоевался. Те-

перь хочу семейство под крышу определить. А то пойдут дожди, – Страчун опасливо взглянул на облако, одиноко странствующее в голубом небе, – утонем в землянке всем семейством, и поминай как звали. Помощники вот у меня не шибкие: сосед-инвалид, баба и дочери. Сына бы сейчас сюда, Петра Петровича, который в Кёнигсберге-городе голову сложил! Мы бы с ним вдвоем быстро управились. Между прочим, сын тоже по саперной части воевал.

Страчун горестно махнул рукой и, как бы спохватившись, что дельного помощника нет и не будет, а работа стоит, опять вскарабкался на сруб. Уже сидя верхом на бревне, Страчун крикнул уходящему Левашову:

– А товарищ, который в нашей земле покоится, в каких войсках, случайно, служил?

– Сапер! – ответил Левашов уже издали.

После обеда Левашов отправился к деду Анисиму, бывшему пастуху. Он нашел его в избе, которая показалась Левашову знакомой. Ну конечно же! В этой избе располагался их комендантский взвод. Эта печь была всегда заставлена со всех сторон сапогами, ботинками, завешана портянками, от которых поднимался удушливый запах.

И сейчас в избе было очень тесно: очевидно, здесь ютились две, а то и три семьи. В сенях шумела ручная мельница – две девушки мололи зерно нового урожая и при этом все время перешептывались.

Дед Анисим сидел на печи, опершись руками о край ее, пригнув голову, свесив ноги в лаптях. Он часами сидел в такой позе, словно вот-вот спрыгнет. Внимательно и дружелюбно смотрел он на Левашова выцветшими глазами, которые когда-то были голубыми.

– Значит, на обочине брошенной дороги? – допытывался Левашов. – И далеко от колючей проволоки?

– Сажень в десяти она и лежала. Беспощадно минировал, ирод! Как шибанет! Двух коров – прямо на куски. Особенно Манька хороша была – редкого удоя корова. Две недели всем колхозом мясо ели...

– Больше жертв не было?

– В другой раз заяц забежал на луг и тоже угадал на ми-

ну. Та хоронилась подальше от дороги. А всё проделки этих иродов! И я тоже, внучек, чуть-чуть на смерть свою не наступил, хотя умирать никак не согласен. При неприятелях звал смерть, а сейчас не хочу. Потом, когда освободили меня, захотелось до победы дожить. И что же? Дожил! Ведь дожил! Теперь соображаю до полного расцвета жизни дожить. Ведь сейчас, – дед Анисим перешел на шепот, будто сообщал Левашову что-то весьма секретное, – только рассвет настоящему дню наступает. Жизнь только начинает развидняться. Хочу, чтобы избы новые, а в них – ни соринки, ни грязинки. Чтобы было чем хороших людей угощать. Мне теперь до полной жизни дожить требуется.

– Обязательно доживешь, дедушка!

Дед Анисим сердито посмотрел в угол, где возились ребятишки и залиvisto ревел голый карапуз. Девочка лет семи, по-старушечьи повязанная платком, твердила испуганным шепотом:

– Цыц, Лёнька, молчи, пострел! А то «рама»¹ прилетит.

Дед Анисим еще больше свесился с печи к лавке, на которой сидел Левашов, хитро сощурил зоркие глаза и сказал, снова доверительно понизив голос:

– Я еще и в школу этого Лёньку провожу. Мало бы, что восьмой десяток! До настоящей жизни дожить – и сразу на погост? Мне умирать не к спеху...

¹ Ра́ма – немецкий разведывательный самолет «Фокке-Вульф» FW-189 (жарг.).

Напоследок дед Анисим все-таки спустился с печи и сам проводил гостя до ворот. Старик оказался высокого роста и держался не по-стариковски прямо.

Наутро Левашов вновь отправился с мальчиками к реке. На этот раз он прихватил с собой учебник, однако «Сопротивление материалов» поддавалось с трудом. Никак не идут в голову формулы, расчеты, когда рядом лениво плещет вода, в осоке крякают утки и такая вокруг благодать, что хочется лежать и лежать на траве, запрокинув голову к небу, не шевелясь, ни о чем не думая.

Но смутная тревога все-таки не оставляла Левашова, и касалась она вовсе не предстоящего зачета и не каких-нибудь других дел, а почему-то соседнего луга. Эта навязчивая мысль стала его под конец раздражать.

Левашов встал, обошел луг кругом, вдоль колючей изгороди, нашел на стёжке черную табличку «Ахтунг, минен!», забытую немцами, затем подобрал штык. Он взял в руку этот ржавый штык, шагнул за проволоку и, раздвигая траву руками, осторожно пошел по лугу. Иногда он подолгу стоял на одной ноге, вглядываясь вниз, затем крадучись делал еще шаг. Он тыкал в землю штыком, как щупом, и делал это как опытный сапер: щупая землю, он держал штык наклонно.

Роса в августе уже не высыхала до полудня и блестела на солнце, а потому трава, примятая сапогами, матовая от сбитой росы, отмечала путь Левашова.

Мальчики остались ждать на стёжке за изгородью. Сань-

ка стоял с круглыми от испуга глазами. Павел Ильич строго смотрел вслед Левашову, ступающему по лугу: «Взрослый человек, а озорует. Ну зачем со смертью в жмурки играть? Как дитя малое!»

Обратно к стёжке Левашов пробрался по примятой траве, хранившей его следы. Он молча, одну за другой, выкурил две папиросы, а затем сказал:

– Ты мне, Павел Ильич, в лесу удилище срежь.

– Можно... – вздохнул Павел Ильич. – Только зря время проведете. Куда ее, плотву? Баловство одно. Наживка дороже.

– А мы и без наживки обойдемся. И без лески. И без крючка.

Санька был явно заинтригован, но ничего не решился спросить, а Павел Ильич держался так, будто все понимает, но не хочет попусту трепать языком.

– И тебе есть задание, Санька, – сказал Левашов. – Заготовь хорошую вязанку прутьев...

Левашов возвращался в школу, занятый своими мыслями, и даже на «гвардейское почтение» Страчуна ответил небрежным кивком. Тот ждал, что его угостят папироской, и посмотрел Левашову вслед с печальным недоумением.

Страчун сидел верхом на выросшей стене сруба, будто не слезал оттуда со вчерашнего дня, а кто-то подложил под него несколько новых венцов. Уже белели свежеотесанные стропила – скелет завтрашней крыши...

К вечеру в школу явился Иван Лукьянович; ему не терпелось посудачить на международные темы.

Левашов встретил его вопросом:

– Что решили делать с лугом?

– На военном положении земля. Про случай со стадом и с дедом Анисимом слышали? Так это – маленькое происшествие. У нас весной потяжелее случай был. Двух пахарей убило. Задели лемехом за мину. Приехали минеры из Смоленска, всю пашню обыскали. Полную коллекцию мин и снарядов собрали, на все вкусы. Ты, может, думаешь, фашист только деревню разрушил? Он и землю нашу разрушил. Сколько земли засыпать нужно, сколько мин разоблачить, сколько снарядов и бомб собрать, которые еще заряд держат!

– Ну а как с лугом?

– Сказали: огородите, ждите очереди. Сперва все пашни обыщут, потом за луга примутся. А пастух с подпасками совсем с ног сбились. Гоняют стадо по лесу, с поляны на поляну. А траву как косим? Раз замахнёшься косой – трава, второй раз замахнёшься – пенек или кочка. Что же делать? Сразу всей земли не освободить. А на лугу мин больше, чем картошек на огороде...

– Вот я и хочу, Иван Лукьянович, этот луг прибрать. Только голыми руками до мин не доберешься. Придётся в Смоленск съездить, в штаб разминирования.

Иван Лукьянович сперва пытливо, а потом с нежностью

посмотрел на Левашова.

– Я тебя до шоссе на таратайке подвезу. Правда, машины теперь редко ходят. Но тебя шоферы примут.

Утром Левашов распрощался на шоссе с Иваном Лукьяновичем и остался сидеть у столба 461, поджидая попутную машину.

«Да ведь это четыреста шестьдесят один километр от Москвы!» – догадался вдруг Левашов, глядя на столб, и тотчас же повернулся лицом на восток, где обрывалась серая линия гравия. Он помнил это шоссе в дни, когда на нем было оживленнее, чем на улице Горького² в Москве. Сейчас шоссе было пустынно, и он собрался идти пешком. Но тут же его догнала полуторка, и шофер, увидев, что пешеход из своих, из фронтовиков, не обидел его отказом и остановил машину...

Левашов вернулся в Нитяжи на третий день к вечеру. Он нес под мышкой небольшой ящик.

С ночи зарядил дождь. Утром Левашов несколько раз выходил на крыльцо и хмуро поглядывал на небо, плотно затянутое тучами. Они теснились в несколько ярусов. В разрывах черных туч виднелись грязно-серые, цвета разбавленной туши, за ними чуть посветлее – и ни единого голубого окна!

Здесь, в Нитяжах, раскаты грозы, казалось, принесли с собой отзвуки былой канонады.

² В 1990 г. улице возвращено историческое название Тверская.

Дожди не унимались несколько дней, и все эти дни Левашов занимался, с трудом усевшись за парту, уперев колени в откидную доску, – и сам себе казался страшным верзилой. Он часто отрывался от «Сопротивления материалов», чтобы повозиться у привезенного ящичка.

Дважды в день Левашов, натянув кожанку, шлепал по лужам, по липкой грязи к Днепру. Он шел, с усилием вытаскивая ноги из глины.

За шиворот затекала вода, кепка насквозь промокла, – а он прогуливался по стёжке и посматривал на мокрую траву за колючей проволокой, будто примеряясь к чему-то. Потом так же неторопливо шел обратно в школу.

Страчун, несмотря на дождь, сидел на крыше и обтесывал стропильную ногу. И Левашов подумал: «Велико же нетерпение бездомного человека, горяча его мечта о крыше, если он работает в такую непогоду».

К утру дождь унялся, но и на следующий день Левашов продолжал зубрить учебник по сопротивлению материалов, втиснувшись в парту так, что колени у него были выше подбородка.

К полудню лужи обмелели, к вечеру высохли, но Левашов по-прежнему сидел в классе. Иван Лукьянович, который приковылял вечером, чтобы послушать последние известия, решил уже, что Левашов бросил думать о луге, и потому ни о чем не спрашивал. Левашов производил впечатление человека нерешительного, который не смог накопить

достаточно смелости для этого отчаянного предприятия и не собрался с духом, чтобы от него окончательно отказаться.

5

На самом же деле Левашов не торопился, так как боялся, что в сырую погоду элемент у миноискателя иссякнет быстрее. Он очень боялся за эти старые элементы, потому что работа предстояла огромная. Шутка сказать – лужок! Метров шестьсот, не меньше, если считать по берегу, и километра полтора в обход, если шагать вдоль колючей проволоки.

Левашов разрезал на кусочки свою простыню, а Санька принялся прикреплять полотняные треугольнички к прутьям, расщепленным на конце. Павел Ильич тем временем наращивал из кусков проволоки трос.

Левашов долго и сосредоточенно курил, прохаживаясь по стёжке, потом заложил за пояс серп, засунул за одно голенище саперную лопатку, за другое – прутья, надел наушники, взял в руки шест миноискателя и перешагнул через колючую изгородь.

– А мы пойдем по вашим следам и понесем все, что нужно, – предложил Павел Ильич.

– Ни шагу! – погрозил Левашов. – Пока вам на лугу делать нечего.

«Как легко отвыкаем мы от опасности и как трудно сживаемся с ней!» – подумал Левашов, перешагнув через колючую проволоку.

Левашов шагал, держа в руках удилище Павла Ильича. Он шарил миноискателем перед собой, обруч ударял по стеблям трав и по цветам, сбивая созревшие семена.

Сначала в наушниках было тихо, но потом возник прерывистый писк, почти такой же, как в телефонной трубке, ко-

гда номер занят.

Мальчики увидели, что Левашов остановился, отложил удилище, достал серп, нагнулся, отбросил пучки срезанной травы, достал из-за голенища прут с белым флажком, воткнул его в дерн и двинулся дальше.

Вскоре с десятков флажков белело позади Левашова.

«Странно, что одни противотанковые мины! – удивлялся Левашов. – На чем же подорвался заяц?»

Противотанковая мина может оставить в живых даже наступившего на нее человека, такая мина требует давления килограммов в сто – сто пятьдесят.

Левашов знал, что немцы имели обыкновение ставить противотанковые мины попеременно с противопехотными. Неужто на этот раз они себе изменили?

Вновь слышится писк в наушниках. Левашов становится еще осторожнее, срезает пучок травы, другой. Капли пота блестят на его лбу. Так и есть – немецкая противопехотная мина «эс» с тремя ядовитыми усиками. Один, второй, третий. Они только ждут прикосновения к себе. Им нет дела, что война давно кончилась, что фашистов давно прогнали со Смоленской земли и со всех других русских земель. Все эти три года усики мины терпеливо и хищно подстерегали свою жертву.

Секунды три-четыре такая мина шипит, затем взрывается капсюль-детонатор, мина выпрыгивает из земли и засекает все вокруг шрапнелью. Свинцовых шариков не то двести, не

то триста, и каждый из этих шариков может намертво ударить в голову, в грудь, в живот.

Прут с белой тряпочкой остался сторожить мину, а Левашов двинулся вперед. Луг уже перешел в займище³, появились сочные пятна осоки и обломки сухого камыша под ногами, отметившие весной границу половодья.

Еще несколько раз возвращался Левашов за флажками или менял элемент. Но пришло наконец время, когда Левашов закинул миноискатель за плечо беззаботно, как удочку или сачок для ловли бабочек. Он исшагал луг за три дня вдоль и поперек, так что не осталось клочка земли, над которым он не пронес обруча с чуткой коробочкой.

Мальчики приносили ему обед от Никитичны. Котелок с супом нес Павел Ильич. Он не доверял Саньке, который мог побежать и расплескать весь навар.

Левашов ощущал вечерами такую крайнюю усталость, будто сделал переход в полсотни километров без привала...

Перестуком топоров и натужным пением пил встречала деревня Левашова, когда он, бесконечно усталый, медленно брел в школу. У срубов возились люди. Дети подтаскивали горбыли, подростки – бревна. Плотничали и женщины, и старики.

Крыша у Страчуна была готова, он подтесывал балки перекрытия.

³ Займище – прибрежная полоса, затопляемая разливом.

– Дела, однако, у тебя идут! – сказал Левашов, войдя в избу и глядя на Страчуна снизу вверх. – Домишко-то растет...

– Ленишься некогда. По-саперному, товарищ гвардии старший лейтенант! – весело сказал Страчун и спрыгнул вниз в надежде закурить. – С топором и спать ложусь. Вместо жены законной.

– И с минами приходилось дело иметь?

– А ты думаешь! Как же! – Страчун уже собрался прихвастнуть, но понял, что попал впросак, и добавил неуверенно: – Хотя, как сказать... Смотри в каком смысле...

– Возьмешься мне помочь? Хочу ваш луг разрядить. Миноискатели есть. План минного поля снял.

– Не-е-ет! – раздалось после долгого кряхтения и вздохов. – От этого вы меня, товарищ, увольте. Ищите себе другого помощника. Я ведь на фронте больше при лошадях состоял. Потом – избу нужно до дела довести. Семейство совсем в землянке затопило, заодно с мышами. Так что вы не обижайтесь, товарищ, но я в такую компанию не гожусь.

Страчун в испуге даже отступил к стене.

– Меня-то чего пугаться? – сказал Левашов сухо и протянул портсигар.

Страчун какое-то мгновение оставался в нерешительности, но затем протянул руку и взял папиросу так неловко, будто она была зажжена уже в портсигаре и можно обжечь об нее пальцы.

– Зря ему папироски дарите, – заметил Павел Ильич, ко-

гда они отошли от избы. – Он бы у меня зимой снегу не допросился.

Павел Ильич презрительно сплюнул и локтями водворил на место сползающие галифе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.